

Петербургский институт иудаики

ОЗЕРНАЯ ТЕКСТОЛОГИЯ

Труды IV летней школы
на Карельском перешейке
по текстологии и источниковедению
русской литературы

Поселок Поляны (Уусикирко)
Ленинградской области

2007

Мария Зеленова
(Москва)
Мария Котова
(Москва)

Материалы к библиографии А. И. Введенского

Творчество А. Введенского для детей до сих пор остается малоизученной частью наследия поэта. Во многом, это связано с тем, что он вынужден был сочинять стихи и рассказы для детских журналов ради заработка, поэтому ни его друзьям, ни позднейшим исследователям эта часть его творчества не казалась серьезной и важной. Введенский, был привлечен к работе Е. Шварцем и Н. Олейниковым (с согласия С. Маршака) весной 1927 г.¹ С этого момента он сотрудничал с детским отделом ГИЗа, с успехом работал в различных детских журналах, выпустил множество книг.

Предлагаемые вниманию читателей материалы — микрорецензии, затерянные в газетах и библиографических журналах конца 1920-х гг. — позволяют выявить место Введенского в литературных спорах о детской литературе, развернувшихся в конце 1920-х — начале 1930-х гг., а также отчасти описать его литературную репутацию, в некоторых чертах восстанавливаемую из отзывов критиков.

Один из первых рассказов Введенского «Мяу», вышедший в 1928 г. отдельной книгой, получил благожелательный отклик в журнале ГИЗа «На книжном фронте»: «Бродячая кошка нашла себе покровителей в лице двух детей и сделалась их домашней кошкой. Главное достоинство рассказа — полное отсутствие антропоморфизма, правдиво и понятно описаны ощущения кошки. Язык детский, но серьезный. Издана хорошо. Бумага хорошая. Шрифт крупный и четкий. <....> Рекомендовать для дошкольников»².

В 1929 г. Введенский продолжил активно печататься в «Еже» и выпускать книги отдельными изданиями. Отзывы критиков свидетельствуют о том, что его творчество в это время весьма высоко оценивалось, и его стихи удовлетворяли требованиям, предъявляемым литературе для детей.

Так, например, в рецензиях на журнал «Еж», критики хотя и писали о слабой классовой позиции детского журнала, тем не менее, отмечали «разнообразие тем и стремление удовлетворить наибольший диапазон вопросов, возникающих в любознательной голове ребенка.

<...>Достоинство рассказов “Ежа” заключается в том, что в них нет традиционных “бабушкиных” сказок с чертями и ведьмами. Эти последние последовательно заменены правильным показом реальной жизни, под углом соответствующей идеи (С. Маршак, Д. Хармс, А. Введенский и др.)»³.

В «Красной газете» был помещен благожелательный отзыв А. Рашковской о рассказе Введенского «Авдей-Ротозей», главный герой которого по дороге на мельницу растерял все свои мешки, а следовавший за ним сосед подобрал их и вернул владельцу. Рецензия была напечатана 27 июля 1929 г.: «Стих А. Введенского конкретен, нагляден и приятно-скуп...», «Мораль не навязана, но она не отсутствует»⁴.

В журнале «На книжном фронте» книги Введенского также неизменно получают положительную оценку: здесь встречается уже упоминавшаяся рецензия на «Мяу», небольшая рецензия на «Колю Кочина» («шуточные стихи о школьнике-лентяе, своими глупыми ответами вызывающем смех не только у своих товарищей по классу, но и у читателей рассказа»⁵), а также рекомендованы для детей стихотворения «Ветер»⁶ и «Мед» («веселые стихи о пчелином улье и о старике-пасечнике»)⁷.

В журнале «Дошкольное воспитание» книжки Введенского рассматривались с точки зрения их практической пользы. Рецензент советовал давать детям его книги «Рыбаки» («Тема очень привлекает ребят»⁸) и «Летняя книжка» (рекомендована к летней работе с детьми⁹).

В журнале «Книга детям» рекомендуется «Ветер» («В ярких стихах дан пафос борьбы человека со стихией ветра; победа человека; ветер на службе у человека»¹⁰).

Ситуация меняется в 1929 г. после появления в «Литературной газете» от 30 сентября статьи Арт. Халатова «Книгу детям пролетарской страны», открывшей широкую дискуссию по вопросам детской литературы.

В декабре 1929 г. в ленинградском Доме печати состоялся доклад А. В. Луначарского, одной из целей которого была попытка защитить писателей и, особенно, К. Чуковского от нападков критиков РАППА, пытавшихся занять ключевые позиции и в области детской литературы.

В это время в печати развернулась кампания против Чуковского¹¹. Писателей упрекали в отсутствии детских книг на социально значимые темы — пятилетки, соц. строительства: «...надо ГИЗу оставить «фантазию» у себя в портфеле, а взамен извлечь из обширных недр его

маринуемый материал пролетарских писателей и не подписанные с ними договоры»¹². Призывы к смене тематики детских книг повлекли за собой требование критиков выработать новый детский язык, пригодный для разговора о серьезных вещах: «Тенденция позабавить ребенка, дурачество, анекдот, сенсации и трюки даже в серьезных, общественно-политических темах — это есть не что иное, как недоверие к теме и недоверие, неуважение к ребенку, с которым не хотят говорить всерьез о серьезных вещах»¹³.

В сменившейся литературной ситуации книги Введенского воспринимаются иначе, и в библиографических журналах появляются отрицательные рецензии. Так, в журнале «Красный библиотекарь» все его книги помещаются в список nereкомендованных. Приведем их полностью:

«Бессодержательная книжка. Представления о Крыме и путешествиях не дает. Лишена также и бытового содержания»¹⁴ (о «Путешествии в Крым»).

«Рассказ написан настолько вяло и бледно, что совершенно незабавен» (об «Авдее-Ротозее»)¹⁵.

«Стихотворения представляют почти бессодержательный набор слов. Заглавие книжки не оправдано: представления о лете она не дает» (о «Летней книжке»)¹⁶.

Под влиянием вновь складывающегося комплекса требований, предъявлявшихся к детской литературе, Введенский меняет тематику своих произведений. Уже в конце 1929— начале 1930 г. в журналах ГИЗа анонсируются впоследствии так и не вышедшие книжки Введенского с совсем другими сюжетами: «Пионерская пятилетка» (об участии детей в пятилетке и о том, как выполняют пионеры задания слета)¹⁷ и «Поэма о Толмачеве» («Героическая поэма о т. Толмачеве, погибшем в 1919 г. при взятии Петрограда»)¹⁸.

К 1930 г. литературная репутация Введенского еще не сложилась окончательно. В этой ситуации он пытался создать репутацию лояльного к советской власти детского писателя, пишущего на актуальные темы.

В январе 1930 г. заведующий отделом детской и юношеской литературы Госиздата Д. Ханин выступил на страницах журнала «Книга детям» со статьей, согласно которой детские писатели делились на три группы: в первую входил Чуковский и его подражатели, во второй оказались «приспособленцы», пытающиеся прикрыться современной тематикой, а третья включала в себя Маршака и его последователей, «доказавших свою способность идти нога в ногу с современностью,

способных отразить в своей работе соц. заказ современности»¹⁹. В то же время Ханин с тревогой отмечает: «...в миросозерцании этой третьей группы писателей нет четкости, определенности, она подвержена колебаниям, и поэтому борьба за ее миросозерцание, борьба за ее постоянное приближение к советской действительности <...> есть основа основ всей работы с детскими авторами. Особенно остро вопрос о борьбе за миросозерцание писателей встает перед нами, когда мы рассматриваем творчество ряда молодых писателей, которых условно назовем формалистами, — Хармса, Введенского и др. Эта группа очень уверенными шагами вступила в детскую литературу. Ее появление не прошло незамеченным, она говорит полным голосом, у нее есть свое лицо; несомненно, что она овладела формальным мастерством. Но с кем пойдут они, какому классу будет служить их перо, этого пока еще никто сказать не может»²⁰.

Введенский активно взялся за разработку сформированного в дискуссиях социального заказа — в 1929 г. из восьми произведений не было ни одного пропагандистского, а уже в 1930 г. он публикует уже восемь политических вещей из четырнадцати²¹.

При этом неидеологические стихи Введенского оцениваются отрицательно, как не соответствующие текущей политике: «Содержание рассказа нереально. Ни текст ни рисунки не дают представления о работе на пчельнике (хотя бы только в части, касающейся выемки меда)» (о «Мед») ²², а идеологические приветствовались и рекомендовались («Октябрь») ²³. Также рекомендовался рассказ «Бегать. Прыгать» («Можно прочесть перед началом физкультурных занятий, а стихи, сопровождающие текст, использовать для счета во время занятий, для ритмического чтения всеми ребятами») ²⁴.

Несмотря на попытки Введенского точно воспроизводить в своих стихах и рассказах социальный заказ, некоторые критики полагали, что хотя он и пишет на современные темы, но делает это поверхностно и не верно²⁵.

И все же позиции Введенского как детского писателя в 1931 г. упрочились, о чем свидетельствуют тезисы выступлений на первой всероссийской конференции по детской литературе, организованной издательством «Молодая гвардия» (2–6 февраля 1931 г.). Основными докладчиками на тему «Детская книга в реконструктивный период» выступили заведующий детским сектором ОГИЗа И. Разин и Н. Крупская. Резолюции, вынесенные на конференции, стали нормативными и обязательными для исполнения писателями. При этом попытка

РАППа встать во главе детской литературы и определять ее идеологическую направленность соседствовала с громкой риторикой борьбы с правым и левым уклоном, протекающей сейчас в партии²⁶.

Одной из главных проблем детской литературы И. Разин считал проблему авторских кадров и вслед за Ханиным построил свою классификацию детских писателей, в которой, в отличие от ситуации годовой давности, место Введенского было четко определено.

Главным врагом объявлялся Чуковский, который возглавлял первую группу «буржуазных писателей»²⁷, во вторую группу помещались «попугачики, часть которых (Маршак, Житков, Бианки, Ильин, Григорьев и др.) недостаточно еще близки к нам в идейном отношении, но все более приближаются к борьбе за создание советской детской литературы и дают книжки, не имеющие актуальной социальной заостренности, но содержащие в себе большие формальные достижения, и искания, и другая часть которых — писатели, различных жанров и различного уровня мастерства, работающие с советскими издательствами и уже доказавшие на деле способность отразить в своей творческой работе биение пульса современности (Смирнов Н., Замчалов Г., Кожевников А., Евдокимов, Введенский и др.)»²⁸. В третью «пролетарскую группу» попал друг Введенского и редактор «Ежа» Н. М. Олейников²⁹.

Таким образом, в борьбе РАППа за гегемонию в детской литературе Введенский был причислен членами этой ассоциации к кругу советских надежных писателей. Это свидетельствовало о том, что Введенский, под руководством Маршака, правильно выстраивал свою литературную политику³⁰.

Конечно, отрицательные рецензии на отдельные произведения Введенского появлялись. Так, Зубковский в сентябре 1931 г. крайне негативно отозвался о «Конной Буденного», в которой, по мнению критика, «отсутствует подлинно большевистская Красная армия Буденного, ее боевые операции, столкновения с белыми отрядами»³¹. Книга «изображает красных лихими чудо-богатырями, а белых—круглыми дураками, над которыми очень легко досталась победа <...> Кроме того в этой книге дана сусальная трактовка образа Семена Буденного. Совершенно неверное преставление Введенский дает о планах международной буржуазии:

Тоскуют за границей
Банкир, купец, бандит.
Во сне буржуям снится,
Что наш Союз разбит.

Говорить о том, что банкир, купец и бандит “тоскуют” и прекрасные сны видят в то время, когда они заняты деятельной подготовкой войны против Советского Союза, является грубой политической ошибкой. <...>В другой книжке “Подвиг пионера Мочина” того же автора мы имеем слащавую героизацию в показе гражданской войны»³².

Но все же в целом место Введенского в детской литературе было уже определено среди лояльных писателей. Тем более, что после недвусмысленных попыток рапповцев стать во главе детской литературы и вытеснить из нее Чуковского, в Ленинграде были предприняты ответные меры. Не ранее марта 1931 г. в Ленинграде вышел сборник «Детская литература: Критический сборник», под ред. Луначарского, изданный секцией Детской литературы ЛОВССП. В сборнике были помещены статьи Бармина, Бухштаба, Л. Гинзбург и др. и под защиту были взяты в первую очередь Чуковский и Хармс, подвергнувшиеся нападкам рапповцев³³.

Таким образом, можно сделать вывод, что Введенский к 1931 г. укрепил свои позиции в детской литературе и ориентировал свои произведения для детей на социальный заказ.

Вплоть до ареста 10 декабря 1931 г. Введенский публиковал стихи практически только на советскую тематику — о пионерах, октябрятах, первом мая, о нелегкой жизни пионеров за границей («Письмо Густава Мейера»), о рабкорах, на антирождественские темы и т. д.

В 1931 г. Введенский практически не сотрудничает с журналами «Еж» и «Чиж». Большинство своих произведений он выпускал отдельными книгами или в изданиях «Молодой гвардии» — журналах-учебниках, откликнувшись на призыв работать над созданием настоящих профессиональных учебников³⁴.

Таким образом, представленный обзор рецензий конца 1920-х — начала 1930-х гг. помогает прояснить особенности литературной позиции Введенского и эволюции его детских произведений.

Примечание

- ¹ В дневнике Хармса от начала декабря 1927 г. есть такая запись: «Олейников и Житков организовали ассоциацию «Писатели детской литературы». Мы (Введенский, Заболоцкий и я) приглашаемся». Хармс Д. Из записных книжек. З. к. № 11 / Цит. по: А. И. Введенский. Полн. собр. произв. В 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 145. См. также: Две беседы С. Я. Маршака с Л. К. Чуковской // Маршак С. Я. Собр. соч. В 8 т. М.: Худож. лит., 1972. Т. 7. С. 586.
- ² Отзывы о книгах ГИЗа. Введ. А. Мая // На книжном фронте. 1929. № 10/11. С. 23.

- ³ Гельштейн Амад. Еж // Красная газета: веч. вып. 1929. 16 марта.
- ⁴ Рашковская Авг. Книги для самых маленьких детей // Красная газета: веч. вып. 1929. 27 июля.
- ⁵ Новинки детской литературы // На книжном фронте. 1929. № 36/38. С. 79.
- ⁶ Новые издания печатаются // На книжном фронте. 1929. № 47/48 (приложение). С. 17.
- ⁷ Новинки детской литературы // На книжном фронте. 1929. № 26/27 (приложение).
- ⁸ Вновь вышедшая детская литература // Дошкольное воспитание. 1930. № 5. С. 54.
- ⁹ Книги для детей к летней работе // Дошкольное воспитание. 1930. № 4. С. 64.
- ¹⁰ Новые книги: ГИЗ // Книга детям. 1929. № 2/3. С. 56.
- ¹¹ См. Кальм Д. О современной детской книге // Литературная газета. 1929. 23 дек.; Прущицкая Р. Воспитаем ленинцев // Литературная газета. 1929. 30 дек. и др.
- ¹² Утлин К. Пролетарскую литературу — детям // Красная газета: веч. вып. 1930. 11 янв.
- ¹³ Флерина Е. С ребенком надо говорить всерьез // Литературная газета. 1929. 30 дек.
- ¹⁴ Список nereкомендуемых детских книг // Красный библиотекарь. 1929. № 5/6 (7/8). С. 160. (сент.—окт.).
- ¹⁵ Список nereкомендуемых детских книг // Красный библиотекарь. 1929. № 8/9 (10/11). С. 179.
- ¹⁶ Там же, С. 184.
- ¹⁷ Книга детям. 1930. № 1. С. 27.
- ¹⁸ Книга детям. 1930. № 4. С. 21.
- ¹⁹ Книга детям. 1930. № 1. С. 2—3.
- ²⁰ Там же. С. 3.
- ²¹ Библиографию детских произведений Введенского, составленную Вл. Эрлем, см.: Введенский А. Полн. собр. произведений. В 2 т.: Т. 2 / Сост. М. Мейлах. М., 1997. С. 248—257.
Об отношении Хармса к сочинениям подобного рода см. воспоминания С. Шишмана: «Лидия Корнеевна Чуковская считала Введенского “природным лириком”, поэтому Хармс перед выходом очередного номера спрашивал Александра не без ехидства:
— Ну, что мы прочтем новенького на этот раз, “природный лирик”?
— Про подвиг пионера Мочина!
— Чего-чего?
— Дая, это ты просто от зависти, а так не можешь, — отвечал Введенский и продолжал выдавать на-гора аналогичные “шедевры”.
— Действительно, не могу, а точнее, не могу мочь про Мочина, — отшучивался Хармс.

- Но когда и его поджало, Хармс для “Ежа” написал стихотворение «Что мы заготавливаем на зиму» (Шишман С. Несколько веселых и грустных историй о Данииле Хармсе и его друзьях. Л.: ЛИО «Редактор», 1991. С. 108).
- 22 Список nereкомендуемых детских книг // Красный библиотекарь. 1930. № 3. С. 73.
- 23 Новинки детской литературы // На книжном фронте. 1930. № 19. С. 37–38.
- 24 Новые детские книги // Дошкольное воспитание. 1930. № 10. С. 54.
- 25 См. неоднократно упоминаемую статью в исследованиях о детской советской литературе: Кальм Д. Бэ да Мэ или насчет бузы. Заметки на полях детских книг // Литературная газета. — 1931. — 14 янв.
- 26 Всероссийская конференция по детской литературе 2–6 февр. 1931 г. (программа и тезисы). М., 1931. С. 12–15.
- 27 Там же. С. 29–30.
- 28 Там же. С. 30.
- 29 Там же.
- 30 Примечательно, что Д. Хармс, в отличие от Н. Олейникова и А. Введенского попал в группу «ненадежных» писателей. И. Разин относит Хармса к открыто буржуазным писателям и советует «использовать на побочных темах, на всякого рода ритмических маршах, песенках для малышей, веселых стихах». Разин. И. По пути наибольшего сопротивления. (К очередным задачам детской литературы) // Книга молодежи. 1931. № 9. С. 43).
- 31 Зубковский И. За ЛОКАФОВСКУЮ детскую книгу // Книга молодежи. 1931. № 11. С. 44.
- 32 Там же. С. 45.
- 33 См. статьи в указанном сборнике Т. Трифионовой «Революционная детская книга», А. Бармина «Веселая книжка» и Б. Бухштаба «Стихи для детей». Б. Бухштаб сопоставляет творческие приемы Д. Хармса и А. Введенского: ««Введенский гораздо менее экспериментален, чем Хармс, менее определен в методах и гораздо более разнообразен в жанрах. Он пробует свои силы и в балладе, и в веселой книжке, и в бытовой и в революционной поэзии. Тема не играет у него второстепенной роли и педагогическая потребность темы, по-видимому, существенна для него. В его «веселой книжке» комизм вызывается не только столкновениями словесных форм, это комизм анекдота («Коля Кочин») или пародии («Кто?»). Бухштаб Б. Стихи для детей // Детская литература: Критический сборник / Под ред. Луначарского. М.; Л., 1931. С. 120.
- 34 Обсуждению этого вопроса была посвящена отдельная секция на конференции по детской литературе. В 1931 г. Введенский печатал свои вещи в «Октябрятах» (Журнал-учебник для первой группы школы I ступени), «Маленьких ударниках» (Журнал-учебник для второй группы школы I ступени), «Юных ударниках» (Журнал-учебник для третьей группы школы I ступени) и др.